

Будапештский университет имени Лоранда Этьеша
Гуманитарный факультет

Докторантура по языковедческим наукам

Докторская программа по славянскому языкознанию

Елизавета Барань

**ВЕНГЕРСКО-УКРАИНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ:
УНГАРИЗМЫ НА ВЕНГЕРСКО-УКРАИНСКОМ
(РУСИНСКОМ) ЯЗЫКОВОМ РУБЕЖЕ
(НА ОСНОВЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Автореферат
диссертации на соискание докторской степени (PhD)

Научный руководитель:

доктор филол. наук, профессор Андраш Золтан

Будапешт
2009

В процессе взаимодействия языковых общин происходит обмен культурными достижениями. Культурный обмен такого характера приводит к сближению языков (в языковедении этот процесс называется *конвергенцией* или *интеграцией*). Языковая конвергенция свойственна венгерскому и славянским языкам, которые взаимосвязаны в первую очередь территориальной близостью их носителей. Одной из самых глубоких является связь венгров с восточными славянами Закарпатья (раньше их называли *малоросами*, *руте-нами*, *русняками*, *угроросами*, сегодня – *украинцами*, *карпатоукраинцами*, *закарпатскими украинцами*, *русинами*). На протяжении многих столетий представители этих общин жили в одном государстве, их большая часть от- носилась и относится сегодня к одной и той же религии.

Закарпатье только в конце Второй мировой войны вошло в состав Со- ветской Украины под украинским названием *Закарпатська область* и рус- ским – *Закарпатская область* (то есть территория за Карпатами). Многосто- ронняя языковая взаимосвязь между восточными славянами и венграми, проживающими на этой территории, свидетельствует о том, что их истори- ческое сплетение началось очень давно, еще со времен раннего средневе- ковя. Языковые контакты отображаются в одном из своеобразных языко- вых источников, а именно в закарпатских литературных произведениях, на- писанных в конце XX – начале XXI веков.

Закарпатские восточнославянские говоры образуют языковое единство с галицкими и буковинскими украинскими говорами, то есть в нашей интерпре- тации являются диалектами украинского языка. Вследствие длительного поли- тического отдаления (до 1944 года) от украинской языковой территории разви- тие литературного языка на территории Закарпатья происходило иначе по срав- нению с другими территориями, где употреблялся украинский язык. В результа- те доминирования местных диалектов в Закарпатье развился *закарпатский русинский язык* – региональный литературный язык. Под понятием «русинский язык» подразумевается этот региональный литературный язык, в то время как закарпатские восточнославянские диалекты воспринимаются как украинские. Согласно украинской научной мысли исследованные нами произведения худо- жественной литературы воспринимаются как произведения, написанные закар- патским украинским диалектом.

Актуальность темы исследования. Исследованию венгерских лек- сических заимствований в закарпатских украинских диалектах посвящено несколько значительных работ (кандидатская диссертация Шандора Мока ня; докторская диссертация, а также монографии Петра Лизанца), однако изучение венгерских заимствований в литературных произведениях являет- ся темой малоисследованной, что и послужило исходной позицией данной диссертационной работы. Соответственно **темой** диссертации является ис-

следование влияния венгерского языка на лексику произведений, написанных закарпатским украинским/руси́нским народным языком, а также других западноукраинских литературных произведений.

Предметом диссертационной работы являются процессы функционирования и адаптации унгаризмов в закарпатских и других западноукраинских литературных произведениях. Проанализированы функционирование и этимология 431 унгаризмов. У н г а р и з м а м и называем слова, которые не смотря на их первичное происхождение, в закарпатские украинские/руси́нские говоры попали непосредственно из венгерского языка, откуда вошли в лексику литературных произведений. Среди исследованных лексических единиц насчитывается 403 имен нарицательных, 20 личных имен и 8 топонимов.

На основе исследованного материала делается попытка составить толково-этимологический словарь унгаризмов закарпатских и других западноукраинских литературных произведений. Исследуется также фонетическая, морфологическая и семантическая адаптация унгаризмов в системе языка-рецептора. Рассматривается также распределение унгаризмов по частям речи, дается их тематическая классификация, рассматриваются вопросы происхождения унгаризмов в языке-передатчике. В работе не принимаются во внимание слова, венгерское происхождение которых маловероятно.

Источниками исследования являются закарпатские и другие западноукраинские художественные произведения. Произведения галицких писателей (Тимофей Бордуляк, Марко Черемшина, Юрий Федькович, Осип Маковей, Лесь Мартович, Василий Стефаник) были написаны в конце XIX – начале XX века; литературная деятельность закарпатских писателей (Иван Чендей, Павло Чучка, Василий Фантич, Дмитрий Кешеля, Игорь и Тамара Керча, Петро Мидянка, Иван Петровций, Федор Потушняк, Юрий Станинец и др.) относится к периоду от 60-ых годов XX века вплоть до наших дней. В нашей работе подвергается анализу художественный перевод, а именно – произведение венгерского писателя Дюлы Круди, переведенное на руси́нский язык закарпатским писателем, лексикографом Игорем Керчой (Круді́й Дюла, Наші добрі русини. Мишкольц – Ужгород, 2002). В ходе сравнения произведения Круди в оригинале с руси́нским переводом оказалось, что в большинстве случаев унгаризмы выступают в качестве важных элементов художественного текста, дают более четкую стилистическую картину понятиям, явлениям, действиям. Переводчик сознательно использует их потому, что унгаризмы, по его мнению, являются неотъемлемой частью народного языка. Кроме этого был исследован учебник литературы под редакцией Игоря Керчи для учеников воскресной школы (Утцюзнина. Читанка про не ді́льні школи. [издание второе] Ужгород, 2002).

Методы исследования. В работе используются описательно-диахронический, а также историко-сравнительный методы исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые исследу-

ются венгерские заимствования в закарпатских украинских/руси́нских, а также других западноукраинских литературных произведениях. Иштван Удвари был первым, кто обратил внимание научной общественности на наличие унгаризмов в закарпатских русинских изданиях 90-ых годов. Венгерские лексические заимствования в литературных произведениях представляют не только филологическую ценность, но имеют значение для этнографии, истории цивилизаций.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что сделана попытка решения теоретических и практических вопросов венгерско-украинской языковой интерференции, определения функциональной и стилистической роли унгаризмов в литературных произведениях, выявлены проблемы фонетической, морфологической и семантической адаптации унгаризмов в языке-рецепторе.

Результаты исследования могут быть использованы в научной деятельности, а также в учебном процессе вузов в преподавании таких дисциплин, как «Венгерская диалектология», «Украинская диалектология», «Венгерско-украинские межъязыковые связи», при изучении тем, связанных с рассмотрением словарного состава языка и происходящих в нем изменений.

Апробация работы: материалы диссертации излагались на следующих конференциях: научно-практической конференции „*Молодь, освіта, наука, культура і національна самосвідомість*” (Киев, 2003), научной конференции „*Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: традиции и преемственность*” (Брест, 2004), VII Международной языковедческой конференции (Будапешт, 2004), научных конференциях „*Nyelv és oktatás a XXI. században*” (Берегово, 2004), „*Irodalmi és nyelvi kölcsönhatások az integráció folyamatában*” (Банска-Бистрица, 2005), VI и VII Международном конгрессе украинистов (Донецк, 2005, Киев, 2008), венгерско-австрийском научном проекте *Eine geteilte Nation in Österreich-Ungarn: Die Ukrainer (Ruthenen, Russinen) und ihr Sprach- und Kulturleben im Blickfeld von Wien und Budapest. A „Die Ukrainer (Ruthenen, Russinen) in Österreich-Ungarn”* (Вена, 2004–2005), IV, V конференции украинистов Венгрии (Сегед, 2005, 2008), научной конференции, посвященной памяти Емиля Балецкого (Будапешт, 2007), международных научных конференциях „*Kontextus – Filológia – Kultúra*” (Банска-Бистрица, 2006), „*Diachronia w badaniach nad językiem i w dydaktyce szkoły wyższej*” (Łódź, 2006), „*Literatury i języki wschodniosłowiańskie wobec swego czasu historycznego*” (Zielona Góra, 2007), „*Словникова справа в Україні: минуле, сучасне, майбутнє (до 100-річчя публікації «Словаря української мови» за ред. Бориса Грінченка)*” (Киев, 2007), Международных научных конференциях молодых славистов „*Slovanské jazyky a literatury: hledání identity*” (Прага, 2008), „*Slovanský areál a Evropa*” (Прага, 2009), международном диалектологическом

семинаре „Інтерференція та запозичення в діалектах. Актуальні проблеми української діалектології” (Львов, 2009), Международной конференции докторантов (PhD/DLA) (Ниредьхаза, 2009).

Структура диссертации: работа состоит из введения, десяти глав, заключения, индекса, списка использованной литературы и списка условных обозначений. Объем диссертации – 226 страниц, из них – 203 страницы основного текста. Список использованной литературы составляет 225 позиций.

Содержание работы

Во введении обоснована актуальность выбранной темы, ее научная новизна, определена теоретическая и практическая ценность, а также методы исследования, сформулированы цели и задачи исследования.

В Главе 1 **«Контактирование языков и языковая интерференция»** указывается на то, что в современной лингвистике важное место занимают проблемы межъязыковых связей, определение того, каким образом происходит процесс влияния одного языка на другой. Изложенные в интерлингвистике почти все типы языковых контактов осуществляются в мультилингвальном обществе Закарпатья.

Венгерско-украинские/русинские языковые связи – самые интенсивные среди венгерско-славянских языковых контактов. Важно заметить, что среди венгерских лексических элементов только малое их количество вошло в состав литературного языка. Венгерский язык выполнял функции языко-посредника: с помощью венгерского языка в украинские говоры попадали германизмы, тюркизмы, латинизмы, румынизмы.

В Главе 2 содержится **список источников**. В подразделах дается лингвистическая характеристика закарпатской украинской/русинской литературы и других произведений западноукраинской литературы. Следует отметить, что язык закарпатских произведений своеобразен, который хранит в себе элементы современных закарпатских говоров. Унгаризмы обнаружены и в западноукраинской (галицкой и буковинской) литературе. В ходе исследования проанализировано 13 слов в западноукраинской литературе, изучение которых проводится впервые.

Глава 3 **«История исследования унгаризмов в закарпатских украинских диалектах»**. Исследования унгаризмов в закарпатских украинских говорах имеют многовековую историю. Они проводились в двух направлениях: одно было связано с диалектами, другое – с печатными текстами. Первая обобщающая работа об унгаризмах на основе диалектов появилась в первой половине XIX века. Выявление унгаризмов в печатных текстах началось в 50-ые годы XX века и распространилось на источники, которые возникли еще в XVI веке. Установлено, что главное внимание языковедов сосредоточено на диалектах, в то время как изучение языковой картины литературных произведений таит в себе еще много нераскрытых сторон.

В ходе анализа обращается внимание и на те научные работы, которые до настоящего времени не рассматривались (напр., труды Василия Довговича, Антона Семеновича, Марии Павловски). С новаторским подходом интерпретируются в работе уже раньше анализируемые труды Эмиля Балецкого, Шандора Бонкало, Шандора Моканя, Ласло Дэже и др.

В сфере исследования влияния венгерского языка написана одна кандидатская и одна докторская диссертации. Кандидатская работа Шандора Моканя «Венгерские заимствования в мараморошском украинском диалекте Закарпатской области» есть результатом очень тщательного научного исследования украинских диалектов.

В 1960-70 годах Петро Лизанец в докторской диссертации, а также в нескольких монографиях и научных публикациях изучает, как он пишет, венгерские заимствования в закарпатском украинском региональном языке. Используя метод лингвистической географии, он исследовал функционирование унгаризмов в украинских говорах по всей территории Закарпатской области, обратил внимание на ряд важных, еще не изученных семантических явлениях, провёл тщательный анализ фонетической и морфологической адаптации унгаризмов, частично затронул и этимологические вопросы. Внимание Петра Лизанца было более всего сосредоточено на говорах, он только частично затрагивает унгаризмы в литературных источниках. До сих пор не издан им историко-этимологический словарь унгаризмов в закарпатских украинских говорах. Словарь такого рода мог бы дать ответ на ряд важных вопросов.

В Главе 4 «Словарные статьи» представлен толково-этимологический словарь унгаризмов согласно следующей схеме: 1) словарная статья и варианты слова; 2) грамматико-морфологическая структура слова; 3) значение(я) слова; 4) соответствующее украинское литературное слово; 5) текстовая среда слова; 6) диалектологические данные; 7) использование слова в письменных памятниках; 8) этимология слова; 9) дериваты и их значения, текстовая среда; 10) использование слова в других неродственных языках, ср. некоторые словарные статьи:

бо́гар *суц.* 'жук; Coleoptera' < венг. *bogár* 'тс.' (ср. укр. *жук*): Суть у нашому районі ...*богари* и черваки, и колячі їжаки. — Čučka 69. — Диал. *bugārā* (Csopey 1881: 274), *бугара* (Csopey 1883: 20), *богар* (Oros 1963: 52), *bógar* (Lizanec 1976: 579), *bógar* (RUR: 13; Sabadoš 2008: 28); — уст. *bohár* (Dóhovichs 1835: 3). — Укр. диал. *bógar* 'жук' заимств. из венг. *bogár* 'тс.' (ESUM 1: 220). Венг. *bogár* неизвестного происхождения (ср. TESz 1: 321–322). — Ср. еще рус. (В.) *богар* (Latjak 1997: 115), польск. *bogar* (Wołosz 1991–92: 20), рум. *bongár* (Tamás 1966: 138).

кельтовáти *гл.* 'деньги расходовать', 'пищу потреблять' < венг. *költ* 'тс.' (ср. укр. *тратити*, *витрачати*, *споживати*): За наруд ся не старава, лем

гроші *кельтовав*. — KU 76; Тепирька чажко буде допозирати, же который кулько *скельтовав* из свого віку. — ТКer 118. — Csoreу замечает, что глаг. *kel'lavāti* как в венгерском, так и в рутенском (то есть в закарпатских украинских/русинских говорах) имеет значение не только 'деньги тратить', но и 'потреблять пищу' (Csoreу 1881: 283), *кельтовати* 'расходовать, тратить, съесть', *кельтунокъ*, *кельтованя* 'трага денег', *кельчигъ* 'расходы' (Csoreу 1883: 147), *кельчик* (*Želechiv's'kyj* 1: 341), *келтувати* 'плотать' (Hrinčenko 2: 235), *кельтовати* 'расходовать' (Hodinka 1991: 148), *кельчик* сущ, *келтувати* гл. (Baleczky 1963: 338), *кел'товати*, *кел'тувати*, *кил'товати* 'тратить деньги' (Lizaneс 1976: 601), *кільтовати* 'зря тратить деньги' (RUR: 50), *келтовати* 'деньги тратить; пищу потреблять', *келтоватися* 'расходовать-ся', *келтувнги* 'жить не по средствам' *келтенок* 'расход' (Sabadoš 2008: 140); — устар. *келтовати* 'расходы', *келчиг*, *келчик* 'еда', *keltovati* 1. 'тратить', 2. 'дарить, жертвовать', *keltovati sja* 'потреблять пищу', *keltovanja* 'выражение уважения в материальной форме' (16/18. ст., Dezső 1961: 165, 1989: 68). Глагол *скельтовати* 'истратиться' употребляется в художественных произведениях А. Духновича (Lizaneс' 1965: 52, Dzendzeliv's'kyj 1965: 164). — Укр. диал. *келтувати* 'плотать', *кельтувати* 'потреблять пищу', *клевтувати* 'тратить', *кельчик* 'расход; потребление, каждодневное употребление пищи; продукт питания' заимствовано из венг. *költeni* 'тратить; потреблять пищу' (ESUM 2: 421). По нашему мнению значение 'плотать' глагола *келтовати* образовалось на украинской языковой почве (ср. *тратить* → *тратить на продукты питания* → *потреблять* → *глотать*). В венг. языке слово употребляется в знач. 'тратить деньги на что-нибудь', 'потреблять пищу', реже 'пить напиток' (ÉrtSz. 2: 206). Венг. *költ* производное слово: от гл. *kel* 'вставать, всходить' и суф. *-t* (ср. TESz 2: 607). — Ср. еще рум. *cheltuî* (Tamás 1966: 196), словац. *kelčik* 'выплата', (*na-, ob-, po-, pre-, s-, vy-*) *keltovat'*, *kelto-vat'(sa)* 'истратить(ся)' (Gregor 1989: 1679, 1993: 71–73), k.-szlk. *kel'ovac* 'расходовать', *kelčik* 'расход' (Király 1964: 235).

рёндешний *прилаг.* в переносном значении 'сильный' < венг. *rendes* 'порядочный' (ср. укр. *сильний*): Но, айбо я пак Ментівці за се дала *рендешину* пунчу пуд ребра і учитала їй доброго апостола... — КеšЖив 99. Р ё н д е ш н о *прич.* 'хорошо' < венг. *хорошо* 'тс.' (ср. укр. *добре*): ... *рендешино* узваряли народну опозицію, уліпили пару флячок правим, надавали копанцю лівим і поплакалися у жебаловку, як нам, до фрасової каріки, тяжко жиєся. — КеšЖив 73. Самі розумієте, што після таких випадку я мусіла *рендешино* розверечи своїми мозгами... — KDer 58. — Диал. *рёндешний*, *рёндешний* *прилаг.*, *рёндешино* *прич.* (Oros 1963: 53), *рендешний* (Lizaneс 1976: 620; RUR: 97; Sabadoš 2008: 306). — Венг. *rend* славянского происх. (ср. Kniezsa 1: 461, TESz 3: 378–379). — Ср. еще *рендешний* (Bevka 2004: 113), рус. (В.) *рендешни* (Latjak 1997: 148), вост.-словац. *rendešni* (Király 1965:

101), рум. *réndes* (Tamás 1966: 666).

ш҃ га прич. 'никогда' < венг. *soha* 'иа.' (ср. укр. *ніколи*) – выражение *нігда-иуга* состоит из двух слов: укр. диал. *нігда* 'никогда' и венг. *soha* 'тс.' (иностранное слово; ср. Мокань 962: 132): Айбо ми би з Дюрьюм нігда-иуга не були кумовами... — KešŽiv 70; Од сього танцю иуга ся не вморю, То кров у міні рудну новту грає. — Fanyč 23. — Диал. *šuha* (Bonkáló 1916: 470), *иуга* (Oros 1963: 53), *иуга*, чаще всего в сочетании *нігда иуга* (Lizanec 1976: 640), *иуга* (RUR: 138; Sabadoš 2008: 425); — устар. *súhá* 'никогда' (Dóhovichs 1835: 12), *иуга*, *šo* (17. ст., Dezső 1961: 174, 1989: 85). В украинских говорах верхнего течения реки Боржава выражение *иуга нігда* 'никогда' встречается в оборотной форме¹. — Венг. *soha* сложное слово: образовалось от отрицательного слова *sem* 'ни' и причастия-союза *ha* 'когда' (ср. TESz 3: 567). — Ср. еще *иуган* (Bevka 2004: 149), вост.-словац. *šo* (Király 1965: 103), рум. *şohán* (Tamás 1966: 737–8), в сочетании фразеологизма *то не буде иуган нігда* 'не будет никогда' (Laver 1992: 26).

В пятой главе «Фонетическая адаптация венгерских заимствований» рассмотрены основные направления фонетического приспособления унгаризмов, описаны фонетические изменения, происходящие в процессе заимствования. Важно заметить, что кроме типологических отклонений венгерского и украинского языков следует учесть и расхождения в фонетической системе двух языков. Большая часть унгаризмов, попадая в закарпатские украинские/руси́нские говоры, подчиняются тем языковым правилам и процессам, которые свойственны языку-рецептору. Вследствие этого заимствованное из венгерского языка слово часто изменяет свою звуковую форму, которая проходит через сегментальные и супrasegmentальные изменения.

В ходе исследования мы проследили за изменениями венгерских монофтонгов *a, á, o, u, í, i, é, é, ő, ü* и дифтонгов *ő, őű, eű* в процессе их адаптации в систему языка-рецептора.

В исследуемых нами материалах венгерский дифтонг *ő* в зависимости от позиции в слове реализовался по-разному:

В конце слова дифтонгу *ő* (литературному *ó*) соответствуют такие звуко сочетания:

1. в безударной позиции *-ov, -iv, -uv*: *б҃рив* < венг. *bíró* 'судья', диал. *бірó*² *д҃унгов* < венг. *dongó*, диал. *дунгó*² 'мотоцикл', *рігов* < венг. *rigó*,

¹ Німчук В. В., Из словотвору прислівників говірок району верхньої течії річки Боржава. (Прислівники займенникового походження). — In: Наукові записки. Т. XXXV. Мовознавство. Ужгород, 1958. 46.

диал. *rigó*² 'дрозд', *солабѡрув* < венг. *szolgabíró*, диал. *szó²gabíró*² 'окружной начальник';

2. в ударном -*ів*, -*ов*, -*ув*: *багѡв* < венг. *bagó*, диал. *bagó*² 'жевательный табак', *валѡв* < венг. *vályú*, диал. *váló*², но *вѡлив* (ударение на первом слоге) 'корыто', *вендеглів* < венг. *vendéglő*, диал. *vendéglő²Ÿ* 'ресторан', *канчѡв* < венг. *kancsó*, диал. *kancsó*² 'кувшин', *копоршѡв* < венг. *koporsó*, диал. *koporsó*² 'гроб', *сабѡв* < венг. *szabó*, диал. *szabó*² 'портной', *шеїталѡв* < венг. *sétáló*, диал. *sétáló*² 'прогулочная улица';

3. внутри слова -*ов*: *гѡвгерь* < венг. *hóhér*, диал. *hó²her* 'палач' (здесь в знач. 'сильный'), *йовсѡг* < венг. *jóság*, диал. *jó²szág* 'землевладение', *лѡвгош* < венг. *lógó(s)*, диал. *ló²gó²s* 'прогульщик', *мѡвкушка* < венг. *tókus(ka)*, диал. *mó²kuska* 'белочка'. Такая реализация прослеживалась в бережских, угодчанских и мараморошских письменных памятниках XVI–XVIII веков: *hovher*, *šovgor*, *provbalovati*, *movdja*, *novta*².

Замена венгерского длинного гласного *ó* украинским *о* происходит в следующих словах: *корѡз* < венг. *kórház* 'больница', *кѡруш* < венг. *kórus* 'хор', *прѡбалѡвати* < венг. *próbál* 'пробовать', *тѡртош* < венг. диал. *tartó²s* 'завивка'. В нескольких словах к дифтонгу *ó²* прибавляется элемент *к(а)*: *бѡмбовка* < венг. *bimbó*, диал. *bimbó*² 'бутон' (здесь в знач. 'глупый чело век'), *дугѡвка* < венг. *dugó*, диал. *dugó*² 'пробка', *таплѡвка* < венг. *tapló*, диал. *tapló*² 'трут' (здесь в знач. 'кошелёк').

Замена звуко сочетания *ol* дифтонгом *ó²* произошло еще в северо-восточных венгерских говорах, что и привело к заимствованию формы -*ов* языком-рецептором: *бѡвт* < венг. *bolt*, диал. *bó²t* 'магазин', *кѡвдош* < венг. *koldus*, диал. *kó²dus* 'нищий', *фѡвт* < венг. *falt*, диал. *fó²t* 'пятно' (здесь в знач. 'стая').

На месте венгерского литературного *é* в некоторых венгерских северо-восточных и закарпатских венгерских говорах выступает закрытый дифтонг *éç*, который дал разные реализации:

1. гласный среднего ряда *e* под ударением или в безударном положении: *вендеглів* < венг. *vendéglő*, диал. *vendéçglő²Ÿ* 'ресторан', *гѡвгерь* < венг.

² Dezső László, A XVI–XVIII. századi kárpátukrán nyelvmélekek magyar jövevényszavai. Nyelvtudományi Értekezések 128 sz. Budapest, 1989. 23.

hóhér; диал. *hó²héÇr* 'палач', *gónved* < венг. *honvéd*, диал. *honvéÇd* 'гонвед';
2. звуко сочетание -ей: *шейталóв* < венг. *sétáló, sétáló(hely)*, диал. *séÇtáló²* 'прогулочная улица'.

3. гласный высоко-среднего подъема *и* в ударном и безударном положении: *вiдик* < венг. *vidék*, диал. *vÇdéÇk* 'край', *кçняиный* < венг. *kényes*, диал. *kéÇnyes* 'чувствительный', *мçриг* < венг. *méreg*, диал. *méÇreg* 'гнев';

4. звуко сочетание -ий: *ðǾǿжа* < венг. *dézsza*, диал. *déÇzsza* 'калка', *кe-риук-ваgáи* < венг. *kerékvágás*, диал. *keréÇkvágás* 'колея', *нǾиni* < венг. *néni*, диал. *néÇni* 'тeтя', *иийталувáти* < венг. *sétál*, диал. *séÇtál* 'прогуливать';

5. открытый дифтонг *Çé*, соответствующий литературному *é*, в нескольких случаях дал гласный высокого подъема *i*: *гáлip, гáлipь* < венг. *gallér*, диал. *gallÇér* 'воротник', *кiном* < венг. *képen*, диал. *kÇépen* 'способом', *кiм-ловáти* < венг. *kémlél*, диал. *kÇémlél* 'наблюдать за чем', *лeгiнь, лçинь* < венг. *legény*, диал. *legÇény* 'парень', *тáниp* < венг. *tányér*, диал. *tányÇér* 'тарелка'. В нескольких случаях реализовался в гласном высоко-среднего подъема *и*, что объясняется артикуляционной близостью гласных *i* и *и*: *спиии* < венг. *ép*, диал. *Çér* 'здоровый'.

Звукозамена произошла и в консонантной системе. В некоторых случаях для облегчения произношения появляется протетический глухой согласный *в*: *вошкóла* < венг. *iskola*, диал. *oskola* 'школа', *вýйиш* < венг. *íjjas*, диал. *íjjas, újas, újjos* 'пиджак из домотканного материала'.

Метатеза встречается в слове *бургóви* < венг. диал. *brúgó²* 'контрабас'. Регрессивная диссимиляция реализовалась в словах *бóхmap* < венг. *bakter* 'сторож', *coxтáи* < венг. *szokta* 'обычай'. В слове *бумiг* < венг. *beteg(ség)* 'болезнь' — *бум|жний* < венг. *beteg* 'больной' согласный *г* палатализировался и перешел в согласный *жс* (явление, свойственное украинскому литературному языку, ср. *друг* — *дружний*, *нога* — *нижка*).

Шестой раздел «**Морфологическая адаптация унгаризмов**». Большинство венгерских заимствований адаптировалось в морфологическую систему языка-рецептора, изменив при этом свою форму.

Большинство венгерских заимствованных существительных с конечным лабиализованным *-а* вошло в категорию существительных женского рода I склонения с окончанием *-а*, реже — *-я*, например: *бiжолма* < *birsalma*, диал. *bisalma* 'айва', *ициря* < *eperfa* 'тутовое дерево', *оцца* < *ostya* 'вафля', *фаiта* < *fajta* 'род', *чiта-бiга* < *csigabiga* 'улитка'. К этой категории относят-

ся существительные мужского рода на *-a*: *газда* < *gazda* 'хозяин', *катуна* < *katona* 'солдат', *цѣмбора* < *cimbora* 'приятель'; в некоторых случаях существительное *цѣмбора* встречается и в форме *цѣмбор*; в этом случае оно будет относиться ко II склонению, мужскому роду.

Унгаризмы с окончанием на *-i*, *-e*, *-é*, *-u* вошли в разряд существительных женского рода I склонения с окончанием *-a*, например: *каралаба* < *karalábé* 'кольраби', *серинча* (*сиринча*) < *szerencse* 'счастье', *тепица* < *tepsi* (реже *тепиц*) 'противень', *фийца* < *fejsze* 'топор'. Исключением является существительное *кавий* < m. *kávè*, диал. *kávèç* 'кофе', которое вошло в категорию существительных II склонения мужского рода. Не решено до конца, относится ли к этой категории существительное *капура* < *kari* 'ворота'. По мнению большинства исследователей, укр. *капура* заимствовано в аффиксальной форме (сублятив), см. *kari+ra* (дословно *на ворота*).

Исключением является существительное *хечепече*, *гечепече* < *hecsepecse* 'ягода шиповника', которое используется только в именительном и винительном падежах, а также *бѣгарь* < *bige* 'палка', которое относится к существительным мужского рода с суффиксом *-арь*.

Существительные с окончанием на *-ó* (~ диал. *ó²*), *-õ* (~ устар. диал. *õ²*), *-ú* ~ *u* присоединились к существительным мужского рода II склонения с окончанием *-ов*, *-ув* ~ *-юв*, *-ів*: *адюв* < *ágyú* 'пушка', *вендеглѣв* < *vendéglő*, диал. *vendéçglőŸ* 'ресторан', *гордѣ(у)в*, < *hordó*, диал. *hordó²* 'бочка', *копорчув* < *koporsó*, диал. *koporsó²* 'гроб', *пѣжгѣв* < *pezsgő*, диал. *pezsgő²* 'шампанское', *шеѣталов* < *sétáló*, диал. *séçtáló²* 'прогулочная улица'. Слово *вѣган* < *viganó* 'юбка, платье' тоже относится к этому склонению. Некоторые существительные с окончанием на *-a*, *-e*, *-ó* (диал. *ó²*), называющие парные предметы, как и в других восточнославянских языках, входят в категорию существительных *pluralia tantum*: *корчолѣ* < *korcsolya* (ср. укр. лит. *ковзани*) 'коньки', *бюдоговѣ* < *bugyogó* (ср. укр. лит. *трусы*, *шаровары*) 'трусы', *чѣжми*, *чѣжма* < *csizma*, диал. *csizma* (ср. укр. лит. *чоботи*) 'сапоги' (в текстах встречается в единственном числе, ср. *чѣжма*).

Существительное *ано* < *apa* 'отец' по аналогии с украинским/руси́нским диалектным *няньо* 'т.с.' входит в категорию существительных мужского рода II склонения. Сюда относится и существительное *бачѣ* < *bácsi* 'дядя', которое в литературных произведениях употребляется как обращение. Существительное *левенте* < *levente* 'член венгерской молодежной организации' относится к несклоняемым существительным мужского рода.

Большинство существительных, которые оканчиваются на согласный,

вошли в категорию существительных II склонения с твердым или шипящим конечным согласным: *борат* < *barát* 'друг', *бовт* < *bolt*, диал. *bó²t* 'магазин', *гирчок* < *hörcsög* 'хомяк', *лавор* < *lavór* 'таз', *яндик* < *ajándék* 'подарок'.

В некоторых словах конечный дрожащий в языке-рецепторе палатализировался, и слово вошло в категорию существительных II склонения мужского рода: *бетярь* < 'разбойник' (здесь в знач. 'парень'), *галірь*, *галір* < *gallér*; N. *gallÇér* 'воротник', *говгерь* < *hóhér*, N. *hó²héÇr* 'палач' (здесь в знач. 'сильный'), *чсвдирь* < *csődör*; N. *cső²dör* 'жеребец'.

Среди унгаризмов с конечным твердым или мягким согласным есть и такие, которые вошли в категорию существительных женского рода I скло-нения с окончанием -а, -я: *барацквa* < *barack* 'абрикос', *габа* < *hab* 'волна', *кишасоня* < *kisasszony* 'девушка', *сарсама* < *szerszám* 'орудие', *тапта* < *talp* 'подошва', *турня* < *torony* 'башня'. — *Битанга* < *bitang* 'негодяй' относится к категории существительных общего рода. К этому склонению относится и сущ. *дараба* < *darab* 'часть' (здесь в знач. 'плот'), а также существительные с суффиксом -к(а): *вадаска* < *vadász(at)* 'охота', *парадичка* < *paradicsom* 'помидор'.

Значительное число существительных с конечным -ás, -os, -s вошло в категорию существительных II склонения мужского рода:

с конечным -аи: *алдомаи* < *áldomás* 'магарыч', *наймаи* < *pajtás* 'приятель', *рокаи* < *rakás*, диал. *rokás* 'куча', *форраи* < *forrás* 'источник', *чардаи* < *csárdás* 'чардаш' (вид танца), *яраи* < *járás* 'район'. К этой категории относится и существительное *сохтаи* < *sohta* < *szokta* 'обычай'.

с конечным -ои: *буділарои* < *bugyelláris* 'кошелёк', *варои* < *város* 'город', *калапои* < *kalapos* 'шляпник' (здесь в знач. 'начальник'), *ковдои* < *koldus*, диал. *kó²dus* 'нищий', *лабои* < *lábás*, диал. *lábos* 'низкая кастрюля', *ловгои* < *lógós*, диал. *ló²gó²s* 'прогульщик', *тамои* < *táltos*, диал. *tátos* 'шаман', *чаваргаи* < *csavargó(s)* 'бродяга' (здесь в знач. 'странствующий торговец').

Несколько существительных с конечным согласным вошли в категорию существительных pluralia tantum: *багуси* *баюса(ы)* < *bajusz* 'ус' (ср. укр. *вуси*), *бокани* < *bakancs* 'башмак' (ср. укр. *черевики*), *бочкори* < *bocskor* 'лапти' (ср. укр. *постоли*), *надраи* < *nadrág* 'штаны' (ср. укр. *штани*).

В неизменной форме адаптировались несколько существительных (в языке-передагчике субстантивированные прилагательные), например, *гунцут* < *huncut* 'шельма', *люшма* < *lusta* 'лентяй'. Венг. *пуирга* 'долговязый', адаптируясь в систему языка-рецептора, также перешло в категорию существительных с добавлением конечного согласного -и > *нюргаш*.

К прилагательным венгерского происхождения прибавляется суффикс -н-, -ьн-, к которому присоединяются окончания соответственного рода

(мужского – *-ий* ~ *-ый*, женского – *-а*, среднего – *-е*, множественного числа *-и*): *бѣтѣжнѣй* < *beteg* 'больной', *бѣдиинѣй* < *bűdös* 'вонючий', *бѣзувнѣй* < *megbízható* 'надёжный', *валуинѣй* < *való(s)*, диал. *való²(s)* 'пригодный к чему', *ипнѣй* < *ép*, диал. *Çép* 'здоровый', *кедвешнѣй* < *kedves* 'милый', *кешервешнѣй* < *keserves* 'горький', *силгамоинѣй* < *szélhátos*, диал. *széÇlhátos* 'мошеннический', *чиноинѣй* < *csinos* 'миловидный'.

В адаптации прилагательных сыграли роль и несколько менее продуктивных суффиксов: *-ав-*: *чампавѣй* < *csámpás* 'косолапый'; *-аи-* ~ *-аи* *-н-*: *миѣригаинѣй* < *mérges* 'озлобленный', *сигѣиинѣй* < *szegény* 'бедный'; *-и-* *-ськ-*: *битангѣськѣй* < *bitang* 'подлый'; *-лив-*: *сиринчливѣй* < *szerepcsés* 'благополучный'; *-нист-*: *тарканистѣй* < *tarka* 'пестрый'; *-ов-*: *емелетовѣй* < *emeletes* 'этажный', *ороньовѣй* < *arany* 'золотой'; *-ст-*: *барнастѣй* < *barna* 'коричневый'; *-ськ-*: *жѣванськѣй* < *zsivány* 'разбойничий', *кинчтарськѣй* < *kincstári* 'казначейский', *ѣмбѣорськѣй* < *baráti* 'дружеский'; *-оват-*, *-уват-*: *лынтарьоватѣй* < *lángarkodó* 'склонный к лени', *маргуватѣй* < *marha* в перен. знач. 'дурной'; *-ѣк-*: *пиѣѣкѣй* < *pici* 'маленький'.

Глаголы, в частности, образовались от венгерских глаголов, однако некоторые из них являются дериватами ранее заимствованных существительных и прилагательных. Согласно морфологической адаптации мы отнесли их к следующим группам:

1. Заимствованные из венгерского глагольные дериваты (глагольная основа может заканчиваться на любой согласный), к которым присоединяется суффикс *-ова-ти* ~ *-ува-ти*: *банувати* < *bán* 'жалеть' (здесь в знач. 'горевать'), *бѣзовати* (*бѣзувати*) < *bízik* 'полагаться на кого', *бировати* < *bír* 'мочь', *гайтовати* < *hajt* 'гонять', *геверовати* < *hever* 'валяться', *енгедовати* < *enged* 'пускать', *кельтовати* < *költ* 'расходовать', *ментовати* < *ment* 'спасать', *фаралловатися* < *fárad* 'уставать'.

2. В некоторых глаголах венгерского происхождения конечный суффикс *-l* пропадает. К ним присоединяется суффикс *-ова-ти* ~ *-ува-ти*: *кибувати* < *képzél* 'представлять', *натерхати* < *terhel* 'нагружать', *хосновати* < *használ* 'пользоваться'. В других случаях суффикс *-l* остается: *бичеловати* < *becsül* 'ценить', *кимловати* < *kémlél*, диал. *kÇémlél* 'наблюдать за чем', *пробаловати* < *próbál* 'пробовать', *иѣйталувати* (*иийталувати*) < *sétál*, диал. *séÇtál* 'прогуливаться', *чаловати* < *csal* 'обманывать'.

К нескольким глаголам в языке-рецепторе присоединяется суффикс *-ати* (*-яти*): *аришовати* < *ás*, диал. *árs* 'копать', *капчати* < *kapcsol* 'включать', *тапишати* < *tapsol* 'аплодировать', *фиркати* < *firkál* 'писать неразборчиво'. Шандор Мокань относит глаголы с суффиксом *-ати* ~ *-яти* к самым давним заимствованиям вместе с теми глаголами, которые образова-

лись от ранее заимствованных существительных³.

Без изменений приспособились к языку-рецептору слова категории состояния *нінчен* < *nincszen* 'нет, не имеется' и *тецик* < *tetszik* 'нравиться'. Глагол *мусайити* 'принуждать' – единственный, который возник на украинской/русинской языковой почве от причастия *мусай* < *muszaj* 'нужно' с помощью суффикса *-и-ти-*.

Причастия, кроме нескольких примеров, адаптировались без изменений или с помощью суффикса *-о*: *банно* < *bánatosan* 'грустно', *гаміино* < *hamisan* 'неверно', *кедвешно* < *kedvesen* 'мило', *кешервешно* < *keservesen* 'горестно', *пунтоино* < *pontosan* 'точно', *сівешно* < *szívesen* 'любезно', *фіномно* < *finoman* 'вкусно', *чіноино* < *csinosan* 'мило'. Эти причастия могли образоваться от ранее адаптированных прилагательных (напр. *кедвешно* < *кедвешний* 'милый', *рендешно* < *рендешний* 'порядочно' (здесь в знач. 'хорошо'), *чіноино* < *чіноиний* 'чувствительный, миловидный'), однако есть вероятность того, что они приспособились прямо от венгерских причастий с помощью суффиксов *-и-о* (напр. *гаміино*, *сівешно*, *фіномно*).

Нужно заметить, что в процессе адаптации большинство существительных, а также почти все прилагательные и глаголы в анализируемых текстах прошли через изменения, которые заслуживают отдельного внимания.

Глава 8 «Семантические особенности венгерских заимствований». В исследуемом материале встречаются унгаризмы с одним значением: *алдоміи* 'áldomás' < венг. *áldomás* 'магарыч', *баўуци*, *баїца(ы)* (Pl. t.) 'bajusz' < венг. *bajusz* 'ус'. Другой части унгаризмов свойственна многозначность, напр. **1.** *габа* 'волна; прибой' < венг. *hab* 'пена, волна', **2.** 'водопад' (ср. укр. *водопад*); *каріка* **1.** 'круг' < венг. *karika* 'тс.' (ср. укр. *круг*), **2.** 'хоровод' < венг. *karikátánc* 'тс.' (ср. укр. *танок*); *фалат* **1.** 'кусочек' < венг. *falat* 'тс.' (ср. укр. *частина*); **2.** 'часть пашни' (ср. укр. *частина земельної ділянки*).

Сопоставив значения лексем в языке-передатчике и в языке-рецепторе, унгаризмы литературных произведений делим на две группы:

1. лексемы, значение которых в языке-передатчике и в языке-рецепторе полностью совпадают. К этой категории относятся большинство венгерских заимствований, напр. *битанга* < венг. *bitang*, *бумлжний* < венг. *beteg*, *бовт* < венг. *bolt*, диал. *бó²t*, *буділароуи* < венг. *bugyelláris*, *вауар* < венг. *vásár*, *енгедовати* < венг. *enged*, *жіван* < венг. *zsivány*;

2. лексемы, значение которых не совпадает со значением этимона, однако между ними ярко выражена ассоциированная взаимосвязь. К этой катего-

³ Мокань А. А., Важнейшие фонетические и морфологические особенности венгерских заимствований в украинском укающем диалекте Тячевского района Закарпатской области. — In: Финно-угорская филология. Ученые записки ЛГУ. Ленинград, 1962. 60–75.

рии относятся следующие слова: **арсáг; арсáк** 'шоссе' < м. *ország* 'страна, государство' (ср. укр. *шоссе*). Значение возникло в результате неправильного толкования венг. *országút* 'шоссе' (букв. 'государственная дорога') как аккумулятивной формы *országot* от существительного *ország* 'страна, государство' путем опущения «избыточной» прилепы - (o)t, ср. *арсаг, арсак* укр. диал. 'страна'; **дара́ба** 'плот' < венг. *darab* 'кусок' (ср. укр. *плит*). Вероятно, что расширение значения возникло на украинской/русинской языковой почве в связи с тем, что дрова меряли саженьями, а каждый отдельный сажень состоял из охапок дров (кусок → часть целого → часть сплавленного леса); **ко́чка** 'камень-плитняк' < венг. *kocka* 'куб(ик)' (ср. укр. *дорога, прокладена з кам'яних кубиків*). Камень-плитняк получил свое название в связи со сходством с кубом; **палачі́нта** 'железная гиря' < венг. *palacsinta* 'блинчик' (ср. укр. *вага, яку кладуть на капусту для закваски у бочку*). Название железной гири ассоциируется с круглой формой блинчика; **рі́гов** 'крикливая женщина' < венг. *rigó*; *Turdus ericetorum philomelos*, диал. *rigó*² 'дрозд' (ср. укр. *голосна жінка*) – расширение значения – вымысел автора: голос крикливой женщины ассоциируется с голосом дрозда.

В работе рассматриваются и слова в переносном значении, некоторые из них употребляются в подобном значении и в языке-передатчике, напр. *bagó, pipa bagó* 'мелочь, пустяк', *szamár* 'глупый человек', *zsíros zseb* 'богатый человек'. В некоторых случаях переносное значение образовалось в языке-рецепторе, напр., *гурка надута* (досл. 'надутая ливерная колбаса') 'оскорбленный человек', *до карі́чки* (досл. 'к кругу') 'равнодушие, безразличие', *лампа́ш* (досл. 'фонарь') 'голова'.

Авторы художественных произведений иногда поочередно используют украинское слово и унгаризм с целью более яркого стилистического оформления текста. В таких случаях венгерское слово выступает в роли лексического дубликата. Петро Мидянка, Дмитрий Кешеля, Павел Чучка несколько раз обращаются к этому приёму, напр. **бокoр – дараба – пліт** 'плот'; **вуздечка – кантар** 'узда'; **малінько – піщінько** 'немножко'; **вчалувати – убманіти** 'обмануть'; **голгош – мовчи** 'молчи'; **чіга-біга – слимак** 'улитка'.

Влияние венгерского языка выявлено и в фразеологии. Относительно унгаризмов фразеологические единицы в языке-рецепторе делим на две группы: фразеологизмы, калькированные с венгерского: **гута́ би (у)бсла** *гульг.* < венг. *a guta üsse meg* 'чорт бы побил'; **до ф́раса** < венг. *a frászba* 'к чорту'; **позе́рать як коза́ на гента́ша** < венг. *néz, mint kecske a késre* 'смотрит как баран на новые ворота (то есть смотрит с удивлением)' (досл. 'смотрит как коза на мясника');

фразеологизмы, содержащие венгерские лексические элементы: **сде́н ф́рас** < венг. *egyre meg* 'все равно'; **зі́гра́ти но́вту** < венг. *elhúzta a nótáját* 'умереть'; **ке́рийк-вагашо́м з га́тікоша́ром** < венг. *nyíltan* 'откровенно'.

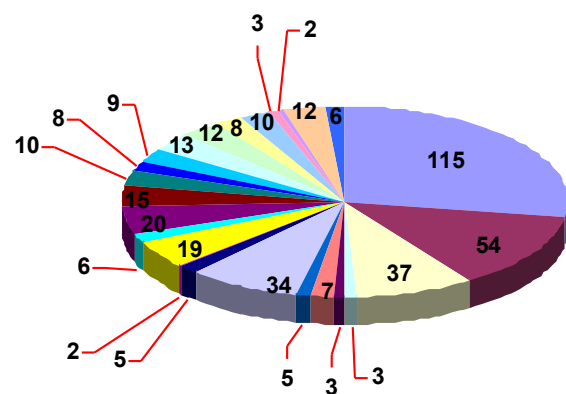
Некоторые унгаризмы, употребляемые в художественной литературе,

не упоминаются в монографии Петра Лизанца (1976). Отсутствие определенного слова в закарпатских украинских говорах мотивируется несколькими причинами. Авторы художественных произведений часто употребляют специальные слова при описании венгерской истории, выражения, которые более точно и достоверно толкуют определенное понятие. К этой категории относятся следующие слова: **п'ішпийк** < венг. *püspök* 'епископ' (ср. укр. *єпископ*), **солгабсров** < венг. *szolgabíró* 'уездный начальник' (ср. укр. *окружний начальник*), **та́паш** < венг. *talpas* 'пехотинец' (ср. укр. *піхотинець*), **танáчош** < венг. *tanácsos* 'советник' (ср. укр. *радник*), **фейгóднодь** < венг. *főhadnagy* 'старший лейтенант' (ср. укр. *старший лейтенант*). С целью обеспечения эмоционального оттенка указанные писатели часто употребляют авторские слова, например, **аняорсáг** < венг. *anyaország* 'родная страна', **гóвер** < венг. *haver* 'друг', **гóйра междом.** < венг. *hajrá* 'ура', **с йен междом.** < венг. *éljen!* 'Да здравствует!', **лепедíв** < венг. *lepedő*, диал. *lepedő* 'простыня', **лíшта** < венг. *lusta* 'ленивый', **нínчен** < венг. *nincsen* 'нет', **та́пшати** < венг. *tapsol* 'аплодировать'.

Глава 8 «Классификация унгаризмов по тематическим группам». Тематический круг унгаризмов в художественных произведениях более узкий, чем в говорах. Примеры свидетельствуют о том, что большинство слов (всего 115) относится к тематической группе «лексика быта». Также многочисленны примеры слов, относящихся к тематической группе «части тела, их свойства», «деятельность человека», «производственная лексика».

Исследованные унгаризмы относим к 25 тематическим группам. При этом мы учли явление полисемии, в результате чего один унгаризм может принадлежать к нескольким группам.

1. Тематическая классификация унгаризмов

- 1 Лексика быта
- 2 Части тела, их свойства
- 3 Человеческие поступки
- 4 Лексика общественной жизни
- 5 Единицы измерения
- 6 Школа, образование
- 7 Мир растений
- 8 Производственная лексика
- 9 Сельскохозяйственные орудия труда
- 10 Цвета
- 11 Наречия
- 12 Вспомогательные средства
- 13 Личные имена
- 14 Административная и политическая лексика
- 15 Транспорт, транспортные средства
- 16 Торговля, финансы
- 17 Обычаи, традиции, верования
- 18 Мир животных
- 19 Развлечения, игры
- 20 Армия

Глава 9 «**Распределение унгаризмов по частям речи**». Среди 403 имен нарицательных больше всего слов (71,5%) относится к именам существительным. Такое большое количество существительных свидетельствует о том, что в язык-рецептор в первую очередь попали слова – названия предметов. Второе место по количеству среди унгаризмов занимают глаголы (10,9%). Прилагательные составляют 9,7%, наречия – 5%. Кроме перечисленных частей речи, есть 2 имена числительные, 3 союза, 3 междометия и 4 причастия.

Глава 10 «**Группирование унгаризмов по их происхождению**». Работа представляет 206 венгерских основ слов. Часть этих основ (в количественном отношении 81) образовалась из угро-финского языка-основы. Происхождение 75-ти основ неизвестно. Из общего числа основ 125 являются заимствованиями из других языков, среди которых 31 славянизмы по происхождению, так называемые «обратные заимствования». Обоснованность процесса *обратного заимствования* состоит в том, что слово славянского происхождения попадает в славянский язык через венгерский. Не зафиксированы нами примеры того, что слово именно в закарпатские украинские/русинские говоры было обратно заимствовано.

Заключение

Настоящее исследование подтверждает, что унгаризмы являются неотъемлемыми лексическими единицами в закарпатских украинских/русинских литературных произведениях. Употребление народного языка весьма характерно для современных писателей. Иноязычные элементы, в том числе и унгаризмы, используют с целью более яркого стилистического оформления высказанного, а также выражения собственной художественной манеры, наследуя галицких и буковинских писателей конца XIX-го начала XX-го веков. Без специального разъяснения значения унгаризмов украинским литературным языком, понимание произведений такого рода иногда составляет трудности для читателей, проживающих в других регионах Украины. Для унгарологов исследуемые тексты весьма интересны, поскольку хорошо иллюстрируют интенсивное многовековое взаимодействие языков двух народов.

В диссертации проанализировано происхождение и функционирование 431 унгаризма, которые встречаются в закарпатских и других западно-украинских литературных произведениях. Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство унгаризмов адаптировались в систему языка-рецептора соответственно фонетическим законам. В результате отличий в системе вокализма большинство гласных изменилось в процессе адаптации в фонетическую систему языка-рецептора. Процесс адаптации согласных произошёл без существенных изменений.

В результате генетических и типологических расхождений венгерского и украинского языков унгаризмы изменились в процессе адаптации в

морфологическую систему языка-рецептора. Большинство существительных вошло в категорию мужского рода. Прилагательные в процессе адаптации получают суффиксы и флексии свойственные прилагательным в языке-рецепторе. К заимствованным глаголам присоединились украинские префиксы, суффиксы и флексии. Наречия вошли в систему языка-рецептора без изменений или с помощью украинских суффиксов.

Свидетельством того, что венгерский и украинский/руси́нский на - роды имели связь, в первую очередь, на уровне быта, является количественное преимущество унгаризмов тематической группы «лексика быта».

Зафиксированы случаи, когда значение унгаризма изменилось или расширилось в системе языка-рецептора. Унгаризмы обнаружены и в устойчивых единицах, результатом чего есть образование фразеологических единиц, содержащих венгерские лексические элементы, а также те, которые образовались калькированием венгерских фразем. Формы обращения и приветствий выступают в текстах латинскими буквами или кириллицей.

В некоторых случаях писатели используют украинское слово или унгаризм параллельно или поочередно.

Соответственно значению унгаризмов в языке-первоисточнике и в языке-рецепторе установлено две группы:

1. унгаризмы, значение которых в языке-первоисточнике и в языке-рецепторе полностью или частично совпадает;
2. унгаризмы, значение которых не совпадает со значением этимона, однако между ними ярко выражена ассоциированная взаимосвязь.

Из вышеизложенных результатов исследования следует, что большинство унгаризмов глубоко укоренилось в закарпатских и других западно-украинских говорах, свидетельством чего есть их функционирование в литературных произведениях.

Новые направления в проведении исследования.

Результаты диссертационной работы являются новаторскими в сфере исследований унгаризмов. В будущем целесообразно расширить круг исследуемых произведений с целью установления новых венгерских заимствований, однако, не только в художественных текстах, а также языке прессы. Данная диссертационная работа может послужить теоретической, практической и методологической базой для продолжения и проведения подобных исследований.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Комарі Єлизавета, Мовне відображення русинсько-угорського співжиття на основі п'єси Дмитра Кешелі „Державна копоня”. — In: Молодь, освіта, наука, культура і національна самосвідомість Шкіль М. І., Тимошенко І. І. та ін. ред. Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції 27-28 березня 2003 р. Київ, 2003. 166–168.
2. Барань-Комари Єлизавета, Угорські лексичні елементи в карпато-українській народній мові (На основі творів Д. Кешелі та Д. Крудій у перекладі І. Керчі). — In: М. М. Аляхновыч, С. А. Каралевыч и др. (ред.), Материалы IV Международной научной конференции „Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: традиции и преемственность”. Брест, 2004. 68–70.
3. Magyar jövevényszavak a ruszin nyelvben: VII. Nemzetközi Magyar Nyelvtudományi Kongresszus, 2004. aug. 29–31. Előadókivonatok. Budapest: [MTA Nyelvtudományi Intézet], 2004. 13.
4. Bárányné Komári Erzsébet, A nyelvek közötti kapcsolat néhány kérdéséről, különös tekintettel a magyar – kárpátaljai ukrán (ruszin) nyelvi kölcsönhatásra Kercsa Tamara *Было чи не было (Hol volt, hol nem volt)* c. mesekönyve alapján. — In: Huszti I., Koljadzsin N. (szerk.), Nyelv és oktatás a 21. század elején. Ungvár: PoliPrint, 2004. 10–28.
5. Adalékok a kárpátaljai ukránban meghonosodott magyar jövevényszavakhoz. — In: František Alabán, Gyula Varga (szerk.), Irodalmi és nyelvi kölcsönhatások az integráció folyamatában. Banská Bystrica, 2005. 209–216.
6. Барань-Комарі Єлизавета, До питання про угоризми у народній мові карпатоукраїнців (русинів) Закарпаття. — In: L. Jászay, A. Zoltán (szerk.), *Studia Russica* 22 (2005) 115–129.
7. A magyar-kárpátaljai ukrán (ruszin) nyelvi kapcsolatok kutatástörténete (a XIX. század 30-as éveitől a XX. század 50-es évekig) és a lexikális nyelvi interferencia eredményei. — In: František Alabán, Zimányi Árpád (szerk.), *Kontextus – Filológia – Kultúra*. Banská Bystrica, 2006. 165–174.
8. Исторические пласты венгерских заимствований в карпаторусинской письменности. — In: Sławomir Gala (red.), *Diachronia w badaniach nad językiem i w dydaktyce szkoły wyższej. Część I*. Łódź, 2006. 17–25.
9. До питання про угорсько-український мовний взаємовплив (на основі збірки „Казки Закарпаття” Володимира Гнатюка). — In: Мовознавство. Постий Міжнародний конгрес україністів. Донецьк, 2005. — Київ–Донецьк, 2007. 403–410.
10. Барань Єлизавета, Отражение влияния венгерского языка на закарпатский диалект украинского языка в процессе межъязыковых взаимодействий. — In: Т. В. Балущ (отв. ред.), В. Д. Стариченок, И. П. Кудреватых (ред.), *Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние*

и перспективы: материалы Международной научной конференции г. Минск, 20–21 марта 2008 г. В 2 ч. Ч. 2. Минск, 2008. 7–9.

11. Барань-Комарі Єлизавета, Угорські лексичні запозичення у закарпатській русинській народній мові (На основі збірки поезій Івана Петровця «Наші и нинаші співанкы»). — In: M. Moser – A. Zoltán (Hg.), Eine geteilte Nation in Österreich-Ungarn: Die Ukrainer (Ruthenen, Russinen) im Blickfeld von Wien und Budapest. (Slavische Sprachgeschichte, Bd. 4). Münster–Hamburg–Berlin–Wien–London: LIT Verlag, 2008. 193–216.

12. Барань Єлизавета, «Словарь української мови» (1907–1909 pp.) за ред. Бориса Грінченка як джерело виявлення гунгаризмів у західноукраїнських говорах. — In: Soós K., Orosz I. Csernicskó I. (szerk.), Acta Beregsasien-sis. A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola tudományos évkönyve. VII. évfolyam, 2. kötet. Beregszász, 2008. 208–213.

13. Bárányné Komári Erzsébet, A magyar lexikai kölcsönzés eredményei -ről (Jurij Čori Slovar' rusyns'koho jazyka alapján). — In: Kocsis Mihály (szerk.), Hungaro-Ruthenica IV. Szeged, 2008. 51–68.

14. Барань Єлизавета, Лексичні гунгаризми у мові художніх творів Ю. Станиця. — In: Josef Anderš (red.), Ucrainica III. Současná ukrajínistika. 1. část. Sborník článků. Universita Palackého v Olomouci. Olomouc, 2008. 167–171.

15. Гунгаризми у творах галицьких письменників кінця XIX–початку XX століття (на прикладах творів Марка Черемшини). — In: Andrzej Ksenicz, Polina Stanińska (red.), Ze studiów nad literaturami i językami wschodniosłowiańskimi. Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2008. 181–187.

16. Барань Єлизавета, Гунгаризми в «Словарі української мови» (1907 – 1909 pp.) за редакцією Бориса Грінченка. — In: Мойсієнко А. К. (відп. ред.), Українське мовознавство. Міжвідомчий науковий збірник. До 100-річчя публікації «Словаря української мови» за редакцією Бориса Грінченка. — Вип. 38. Київ: Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка. 2008. 13–18.

17. Барань Єлизавета, Лексичні гунгаризми у творах українських письменників Закарпаття. — In: Українська мова 2009/2: 56–69.

18. Bárányné Komári Erzsébet, Роль Еміла Балецького у дослідженні угорських запозичень у творах західноукраїнських письменників кінця XIX – початку XX століття. — In: L. Jászay, A. Zoltán (szerk.), Studia Russica 23 (2009) 37–51.

19. Барань Єлизавета, Тематичні групи гунгаризмів в українських говорах Закарпаття (на основі літературних творів). — In: Slovanské jazyky a literatury: hledání identity. Praha (в печати).